

II. ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ В. А. ЖУКОВСКОГО

Публикация Р. В. Иезуитовой

Переписка Василия Андреевича Жуковского — одно из примечательнейших явлений в общественно-литературной и культурной жизни его времени. Дошедшие до нас первые, детские письма Жуковского к родным и их ответы относятся еще к 1795 г., переписка последних лет обрывается в 1852 г., в год смерти поэта. Охватывая, таким образом, более полувека, эта переписка отличается необычайной интенсивностью, многообразием своих жанровых форм, исключительным тематическим богатством. По своему объему, по участию в ней выдающихся деятелей русской культуры первой половины XIX в. она является уникальной даже для пушкинской поры — времени подлинного расцвета русского эпистолярного творчества. Письма самого Жуковского составляют одну из ценнейших частей этой обширной эпистолярной.

По той роли, которую сыграли письма Жуковского в общественно-литературной жизни первой трети XIX в., они могут быть сопоставлены только с письмами Пушкина. Б. Л. Модзалевский писал о письмах Жуковского как об «единственном в своем роде и неисчерпаемом источнике наслаждения душевного», подчеркивая: «...если в письмах Пушкина преобладающей чертой является ум, то в письмах Жуковского на первое место придется поставить чувство».¹

Несмотря на постоянные жалобы на свою «эпистолярную лень» и даже «эпистолярную чахотку» (под которой Жуковский подразумевал отвращение к ведению регулярной переписки), за свою долгую жизнь он написал великое множество писем и не меньшее их количество получил от своих многочисленных корреспондентов. Не следует забывать, что Жуковский жил в такую историческую эпоху, когда письмо было не только приметой быта, но и важнейшим средством духовного и культурного общения образованных слоев общества. Отсюда и разнообразие тех форм,

¹ Модзалевский Б. Л. Из переписки Жуковского. — В кн.: *Serium bibliologicum* в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малепна. Пг., 1922, с. 166.

в которые выливалась переписка этого времени, и множественность ее функций, что не могло не создавать устойчивой привычки к письменному общению. В переписке Жуковского и других его современников мы постоянно встречаемся с такими понятиями, как «почтовый день», т. е. день отправления почты, «тяжелая почта», т. е. предназначенная для посылок, почта утренняя и вечерняя. Письмо не просто прочитывают, оно становится предметом оживленного обсуждения в кругу семьи или в кругу друзей, его передают из рук в руки, переписывают в альбомы, пересылают знакомым и т. д. Не став, за немногими исключениями, достойным печати, письма бытуют как произведения литературные, оцениваются с эстетической точки зрения, бережно сохраняются как большая культурная ценность.

Подлинным культом дружеского и литературного письма отмечено окружение Жуковского в пору становления и расцвета его творческой деятельности, приходившихся на первую четверть XIX в. В рамках этого периода возникает несколько своеобразных эпистолярных «эпицентров», давших новые жанровые разновидности письма.

В самом начале 1800-х годов — это кружок братьев Андрея и Александра Тургеневых, ставший основой Дружеского литературного общества. Для писем участников этого общества характерны сентиментальная окрашенность, экзальтированность в проявлении чувств, исповедальность тона, постоянная устремленность к нравственному самоусовершенствованию.²

Вместо распавшегося к середине 1800-х годов этого дружеского союза образуется новый культурный очаг, центром и душой которого становится уже сам Жуковский, а его адресатами и корреспондентами — ближайшие родственники и друзья, владельцы нескольких родовых помещичьих гнезд в Тульской и Орловской губерниях.³ В тесном и постоянном общении Жуковского с этим кругом лиц вырабатывается новый тип шуточного камерного письма, приобретающего нередко стихотворную форму и широко использующего особый арсенал «домашней» лексики, полунамеков, приемов травестирования.

Почти одновременно в дружеской переписке и личном общении Жуковского с литераторами — сверстниками и единомышленниками (с большим из них поэт познакомился в Москве, где завязались его многолетние отношения с П. А. Вяземским, К. Н. Батюшковым, В. Л. Пушкиным, Д. Н. Блудовым и др.) закладывались основы нового литературного объединения — будущего Арзамаса, породившего такое яркое явление в истории русской эпистолярной культуры, как «арзамасское письмо».⁴ Жуковскому, несомненно, принадлежит ведущая роль в выработке его особой структуры и своеобразного юмористического стиля, оказавшихся настолько устойчивыми, что бывшие участники этого общества даже

² См., например: Архив братьев Тургеневых, вып. 2. СПб., 1911. Центральной фигурой этого объединения несомненно являлся умерший в 1803 г. Андрей Тургенев.

³ Назовем Муратово — имение Е. А. Протасовой, Долбино — имение А. П. и В. И. Киреевских, Чернь — имение А. А. Плещеева и усадьбу Володьково, принадлежавшую барону И. П. Черкасову.

⁴ См.: Todd W. M. *The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin*. Princeton, New Jersey, 1976.

в своих позднейших письмах друг к другу следуют арзамасскому капону.⁵

Самостоятельную группу составляют штимные письма Жуковского (1814—1823), близкие по своему жанру к дневникам; примером их могут служить его письма 1814—1815 гг., обращенные к Марии Андреевне Протасовой — дочери его сводной сестры Екатерины Афанасьевны Протасовой.⁶ Пережитая поэтом личная трагедия в связи с невозможностью соединения с любимой девушкой вызвала к жизни обширнейшую семейную переписку, в которой приняли участие как М. А. Протасова, сам Жуковский и их сторонники (А. П. Киреевская, М. Н. Свечина, П. И. и М. Н. Протасовы и др.), так и те, кто поддерживал Е. А. Протасову, решительно противившуюся их браку (А. Ф. Воейков, А. Н. Арбенцова и др.). Раскрывая сложное душевное состояние Жуковского в момент крушения его надежд на личное счастье (в начале 1817 г. М. А. Протасова вышла замуж за И. Ф. Мойера, а в 1823 г. умерла при родах), эта переписка отличается тонким психологизмом, накалом страстей и глубоким внутренним драматизмом. Впервые указал на нее как на ценный источник изучения личности и творчества поэта его биограф К. К. Зейдлиц, приведя в своей работе некоторые выдержки из этих писем.⁷ Состав этой переписки был значительно расширен А. Е. Грузинским, который опубликовал в «Уткинском сборнике» (М., 1904) письма Жуковского, М. А. Протасовой-Мойер и Е. А. Протасовой. Основанная на новых материалах работа Н. В. Соловьева «История одной жизни. А. А. Воейкова — „Светлана“» (т. I. Пг., 1915; т. II. Пг., 1916) ввела в научный оборот множество новых писем Жуковского, М. А. Мойер, А. А. Воейковой и др., как относящихся ко времени борьбы поэта с Е. А. Протасовой, так и более поздних. Однако до сих пор в этой обширной переписке имеются пробелы, и поиски новых данных и материалов, касающихся личной драмы поэта, представляются вполне оправданными.

Большой массив переписки Жуковского составляют его письма к членам царской семьи и дошедшие до нас не полностью их ответные письма.⁸

⁵ См., например, письма Жуковского к Д. П. Северину (1829—1850): Русская старина, 1896, № 7, с. 83—98; 1902, № 4, с. 137—166; № 6, с. 511—519 (многие из них написаны в шутовском тоне и обращены к «Резвому коту» — арзамасское прозвище Северина). Ярким образцом арзамасского стиля является письмо Жуковского к Д. В. Дашкову, относящееся к началу 1817 г. (см.: Русский архив, 1868, № 4—5, с. 838—843), в котором последний назван «Чуркой» (от его арзамасского прозвища — «Чу!»).

⁶ См. публикацию П. К. Симоны в кн.: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, вып. 1. СПб., 1907, с. 143—213. См. также «Дерптский дневник» Жуковского в кн.: Гофман М. Л. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 110—143.

⁷ Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. Полные тексты этих писем опубликованы в «Русской старине» (1883, № 1—10).

⁸ Письма В. А. Жуковского к Николаю I и императрице Александре Федоровне (1821—1825) см. в кн.: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, вып. 1, с. 1—107 (к публикации приложен библиографический указатель писем Жуковского к Николаю I и Александре Федоровне 1817—1852 гг. — см. с. 131—137). См. также ценные дополнения в кн.: История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. М.—Л., 1962, с. 329, 331.

Они были связаны со служебными обязанностями Жуковского (с 1815 г. — придворного чтеца императрицы Марии Федоровны, с 1817 г. — учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны, а с 1826 г. ставшего наставником наследника Александра Николаевича). Особая функция данных писем — предмет самостоятельного разговора, однако необходимо подчеркнуть, что содержание официальных писем Жуковского никак не ограничивается сферой его служебных обязанностей. Они ни в коей мере не являются и письмами царедворца. В них находит свое выражение общественная позиция Жуковского, стремившегося воздействовать на императорскую фамилию в просветительском духе, а также использовать свое положение при дворе для заступничества за лиц, подвергшихся политическим гонениям. Письма к Николаю I о Н. И. Тургеневе, А. И. Тургеневе, И. В. Киреевском, обращенные к царю и наследнику письма о помиловании декабристов свидетельствуют не только о гражданском мужестве поэта, но и являются программными документами передовой русской общественности. К ним примыкают и такие острые в политическом отношении документы, как письма к министру просвещения А. Н. Голицыну, связанные с ходатайством за подвергшегося гонениям Е. А. Баратынского, адресованные Голицыну же жалобы на притеснения Цензурного комитета и в особенности письмо Жуковского к Бенкендорфу об обстоятельствах дуэли и смерти Пушкина.⁹

Особое место занимает дружеская переписка Жуковского с некоторыми из его современников, продолжавшаяся десятилетиями. Она нашла отражение в письмах Жуковского к Александру Тургеневу, изданных отдельной книгой.¹⁰ Такие же сборники можно было бы составить из переписки Жуковского с П. А. Вяземским, А. Я. Булгаковым, А. М. Тургеневым, А. О. Смирновой-Россет и др. Мы ограничились напомним о некоторых значительных по объему и отличающихся известной самостоятельностью «блоках» переписки Жуковского, которые полностью или частично опубликованы. Можно утверждать, что ряд подобных «блоков» предстоит еще выявить.

Обширна и литературная переписка Жуковского, как с представителями старшего поколения русских писателей и поэтов (Державиным, Карамзиным, Дмитриевым), так и с младшими его современниками (Пушкиным, Гоголем, Далем, Одоевским, Козловым и др.).

Круг литературных адресатов и корреспондентов Жуковского необычайно широк — от единомышленников и соратников до открытых противников (А. С. Шишкова, А. А. Шаховского, С. Н. Глинки и др.). В эту переписку включаются издатели, журналисты, книгопродавцы, владельцы типографий (И. В. Слепин, В. Н. Олин, Е. И. Ольдекоп, Н. И. Греч и др.)

Человек широких и многогранных дарований, Жуковский переписывался не только с литераторами, но и с художниками, артистами и музыкантами (с К. П. Брюлловым, Н. И. Уткиным, И. П. Мартосом, М. И. Глинкой, братьями Михаилом и Матвеем Виейльгорскими). Список

⁹ Жуковский В. А. 1) Соч., т. VI. Изд. 7-е. СПб., 1878, с. 452—458;

2) Собр. соч., т. 4. М.—Л., 1964, с. 595, 617.

¹⁰ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895.

лиц, участвовавших в переписке Жуковского, насчитывает многие десятки и сотни фамилий: к нему обращаются с самыми разнообразными просьбами родственники и друзья, случайные знакомые, вовсе не знакомые поэту лица, пишут в надежде на помощь и поддержку. Жуковский охотно отвечает на подобные письма и в свою очередь просит содействия у влиятельных друзей, хлопочет, торопит. Особенно усилился поток подобных писем-ходатайств после декабрьских событий 1825 г., когда родственники и близкие друзья декабристов буквально осыпали поэта просьбами и мольбами о помощи. Участие Жуковского в судьбе осужденных декабристов нашло свое отражение в его переписке со многими из них, а также членами их семей.¹¹

Последнее десятилетие своей жизни поэт провел в Германии, что, естественно, привело к значительному сокращению числа адресатов. Это до известной степени компенсировалось интенсивностью его переписки с ближайшими друзьями и родными (А. П. Елагиной, А. П. Зонтаг, П. А. Вяземским, П. А. Плетневым), которую поэт рассматривал как единственный, доступный ему способ не потерять связей с родиной. Поздние заграничные письма поэта по своему историко-культурному значению уступают письмам 1800—1830-х годов, хотя и содержат в целом ряде случаев ценные сведения, касающиеся событий его прошлой жизни.

Сразу после смерти Жуковского П. А. Плетнев стал хлопотать о собирании и издании его писем, обратившись за помощью к ближайшим друзьям поэта. В письме к А. С. Стурдзе (май—октябрь 1852 г.) А. П. Зонтаг сообщала: «Петр Александрович Плетнев, бывший всегда сердечно предан Жуковскому, предпринял в помощь семейству покойного собрать сколько возможно его писем и издать их для пазидания многих». ¹² Она обратилась к Стурдзе с просьбой передать Плетневу имеющиеся у него письма Жуковского, известив о том, что выслала Плетневу адресованные ей письма поэта. На это начинание отозвался и Вяземский в письме к Плетневу от 19 ноября 1852 г.: «Слышу, что вы собираетесь издать письма его (Жуковского, — *Р. И.*). Это дело прекрасное. И у меня есть вкладчина в это собрание, но до возвращения моего в Россию не могу сообщить вам эти письма. Иные, кажется, хранятся в Остафьеве, другие перемешаны и уложены с другими бумагами моими, и я один могу найти нить в этом бумажном лабиринте. Перечитайте, без зазрения совести и неуместного целомудрия, и шуточные письма его, буффонские, чисто арзамасские, где веселость его разыгрывалась во всю ивановскую. Эта сторона не должна пропасть без вести и дополняет характер его. Как я писал Булгакову по этому поводу, тот не будет вполне знать Суворова, кто не будет иметь понятия о проказах и причудах его. К тому же вздорное речие Жуковского доходило до истинного красноречия, до высокой гениальности». ¹³

¹¹ Многие из этих писем уже опубликованы, см.: Дубровин Н. Ф. Жуковский и его отношение к декабристам. — Русская старина, 1902, кн. 4, с. 45—119.

¹² Русская старина, 1902, кн. 6, с. 584.

¹³ Там же, с. 386—387.

Осознание культурной ценности писем и их собрание вообще характерны для писателей пушкинского круга. С инициативой собрания и издания писем неоднократно выступал и сам Жуковский. После смерти А. И. Тургенева он предложил друзьям покойного (Вяземскому, А. Я. Булгакову) свою помощь по систематизации и приведению в порядок его огромного архива, из которого советовал выбрать наиболее интересные для публикации письма.¹⁴ Собственный личный архив Жуковского был систематизирован и разобран им еще при жизни, как об этом неоспоримо свидетельствуют сохранившиеся материалы: многие письма, дневники и записные книжки имеют проставленные поэтом порядковые номера.

Хотя задуманное Плетневым издание писем Жуковского не было осуществлено (и до настоящего времени мы не располагаем ни одним специальным изданием писем поэта),¹⁵ на протяжении второй половины XIX — начала XX в. был накоплен материал, необходимый для такого рода труда. Многие современники поэта, близко его знавшие и располагавшие подлинниками и авторитетными копиями его писем, еще при жизни охотно предоставляли их в распоряжение издателей журналов «Русская старина» и «Русский архив», а также ряда других специальных изданий («Русский библиофил», «Библиографические записки», «Исторический вестник» и др.).¹⁶ Параллельно осуществлялась, хотя и в меньшем масштабе, и публикация писем к Жуковскому. Так, П. И. Бартнев опубликовал в 1870 г. (№ 6, 7) и в 1872 г. (№ 12) в «Русском архиве» письма Пушкина к Жуковскому, а в 1899 г. в том же журнале (№ 9) и письма Жуковского к Пушкину. Однако такого рода примеров публикации двусторонней переписки не столь уж много. Письма к Жуковскому появля-

¹⁴ Библиографические записки, 1858, № 18, с. 551.

¹⁵ В собрания сочинений поэта письма стали включаться начиная с изданного уже посмертно XI тома 5-го издания «Сочинений Жуковского» (Берлин, 1857), куда вошло всего лишь несколько писем. В 7-е издание его сочинений под редакцией П. А. Ефремова (Жуковский В. А. Соч., т. VI. СПб., 1878) вошло уже более трехсот писем: некоторые из них публиковались впервые с подлинных рукописей поэта (см. комментарий к письмам на с. 683—685). В примечании Ефремов указал, что предполагает издать еще один, дополнительный том переписки Жуковского с родными. Однако это намерение не было осуществлено. В «Полное собрание сочинений Жуковского, изданное в качестве приложения к «Ниве» (т. 12. СПб., 1902, с. 3—117) вошло лишь 80 уже известных в печати писем. Уточненные по автографам тексты 126 писем Жуковского (опубликованных в свое время) были напечатаны в изданном уже в наше время четырехтомнике (Жуковский В. А. Собр. соч., т. IV. М.—Л., 1960, с. 458—675). Работу над полным собранием писем поэта в 1920-е годы начал Б. Л. Модзалевский, как об этом было заявлено в его статье «Из переписки Жуковского» (с. 166). Собранная им картотека неопубликованных и опубликованных писем Жуковского и к Жуковскому хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

¹⁶ Небольшая, выборочная библиография писем Жуковского была напечатана в «Русском архиве» (1864, № 5—6, с. 635—637). Основным же источником наших сведений о письмах Жуковского является названный выше библиографический указатель под редакцией К. Д. Муратовой «История русской литературы XIX века». См. также: Eichstädt H. Žukovskij als Übersetzer. — Forum slavicum. Hrsg. von D. Tschizewskij. Bd 29. München, 1970, S. 142--157.

лись в печати значительно реже, так как в своей подавляющей части оставались в личном архиве поэта. Его сын Павел Васильевич Жуковский в столетнюю годовщину со дня рождения поэта пожертвовал дневники, записные книжки, творческие рукописи и рабочие тетради поэта в имп. Публичную библиотеку, где они хранятся и поныне.¹⁷ Что же касается обширнейшей переписки Жуковского (главным образом писем к нему), то эти материалы оказались в той части архива, которая была подарена П. В. Жуковским его гимназическому приятелю, а впоследствии видному коллекционеру А. Ф. Онегину-Отто. В составе его собрания эта эпистолярная хранилась в Пушкинском музее Онегина в Париже до 1928 г., когда все собрание в целом поступило в Рукописный отдел Пушкинского Дома, где и находится в настоящее время. Публикуемые нами материалы взяты из Онегинского архива.

Хотя о существовании обширнейшей коллекции Пушкинского Дома было известно еще с середины 1920-х годов,¹⁸ факты обращения исследователей к огромному массиву этой переписки оставались единичными. Выборочной является и настоящая публикация, в которую включены две группы материалов, характеризующих участие Жуковского в литературной жизни 1810-х годов.

Первый раздел нашей публикации включает в себя переписку Жуковского с М. Т. Каченовским, о существовании которой сообщал в свое время В. В. Гиппиус, однако ни одно из писем еще не появлялось в печати.¹⁹ К сожалению, эта довольно обширная по своему объему переписка дошла до нас в далеко не полном виде, а лишь в той ее части, которая сохранилась в составе Онегинского архива. Это прежде всего 49 писем Каченовского к Жуковскому,²⁰ относящихся к 1809—1817 гг. Надо полагать, что это число включает почти все письма, полученные поэтом от данного корреспондента (во всяком случае их подавляющее большинство). Начало этой переписки относится к лету 1809 г., когда Жуковский, издававший в течение 1808—первой половины 1809 г. журнал «Вестник Европы», решил привлечь в соредакторы Каченовского, одного из прежних редакторов журнала и своего постоянного сотрудника. В ходе этих переговоров и возникла весьма оживленная переписка, представляющая весьма немалый историко-литературный интерес. Она не только раскрывает характер и сложные перипетии сотрудничества столь различных по своим взглядам, эстетическим позициям и темпераментам деятелей, какими являлись Жуковский и Каченовский, но и включает в себя мно-

¹⁷ См. их описание: Бычков И. А. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в имп. Публичную библиотеку в 1884 году. — В кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 г. СПб., 1887.

¹⁸ См.: Гофман М. Л. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926.

¹⁹ См.: Гиппиус В. В. «Вестник Европы» 1802—1830 годов. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филол. наук, 1939, вып. 3, с. 211—212.

²⁰ ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, 91 л. Письма имеют нумерацию: общее число писем, хранящихся в этой папке, 50, однако 39-е письмо попало сюда случайно — в действительности оно является письмом Д. А. Кавелина к Жуковскому.

жество любопытных и ярких примеров для характеристики литературного быта и литературной мысли начала XIX в. Содержит она немало и весьма ценных сведений биографического характера, дополняя наши представления о жизни и литературной деятельности Жуковского 1809—1817 гг.

В процессе этой переписки Жуковский со своей стороны написал Каченовскому не меньшее количество писем, судьба которых до сих пор неизвестна: мы не располагаем никакими сведениями, сохранил ли Каченовский эти письма, и если сохранил, то где они находятся в настоящее время. Некоторое представление об их содержании дают ответные письма Каченовского, которые, разумеется, не могут заменить писем самого поэта. Тем больший интерес для исследователей представляют обнаруженные нами в Онегинском архиве два черновых письма Жуковского к Каченовскому, относящиеся к сентябрю 1810 г., т. е. к самому разгару их переписки.²¹

В августе — сентябре 1810 г. находившийся в Муратове Жуковский принял решение отказаться от обязанностей редактора журнала, ограничившись чисто авторским участием в нем. Однако прежде чем передать свои редакторские права Каченовскому, поэт испытывал сильные колебания, вызванные опасениями, что его соредактор не сможет (или не захочет) продолжать в журнале ту карамзинскую линию, которую стремился проводить Жуковский. Публикуемые письма поэта необходимо осмыслить в контексте его переписки с Каченовским. Поэтому нами были выбраны для публикации 8 писем Каченовского, относящихся к осени 1810 г., тесно связанных с письмами Жуковского общностью затрагиваемых в них вопросов и концентрирующих свое содержание вокруг общей темы: какими должны быть лицо журнала и его эстетическая платформа в целом.

Ценность публикуемых писем в том, что они раскрывают изнутри характер сложившихся в ходе совместной работы отношений, показывая, каким негладким, исполненным постоянных противоречий, приводящих порою к прямым конфликтам, было сотрудничество Жуковского и Каченовского. Письма наглядно свидетельствуют о глубоких разногласиях соредакторов во взглядах на цели и задачи журнала. Жуковский видел их в пропаганде идей просвещения, важнейших достижений европейской и русской эстетической мысли, в выдвижении на первый план романтических жанров (в частности, баллады). Каченовский же стремился использовать журнальную трибуну для ученых разысканий, весьма далеких от современной литературной жизни, для борьбы с новейшими литературными течениями (романтизмом и карамзинизмом). Известный узостью и консерватизмом своих литературных вкусов, Каченовский отрицательно относился и к направлению творческой деятельности Жуковского, хотя материальная выгода и заставляла его дорожить сотрудничеством с приобретающим широкую популярность поэтом. Несмотря на постоянные трения, годы 1809—1811 были временем наиболее тесного общения адресатов. Даже резкая размолвка, отразившаяся в этой переписке, свидетельствовала об известной короткости отношений Жуковского и Ка-

²¹ ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28062.

ченковского (поэт шуточно называл его «Каченочком»,²² последний в свою очередь охотно откликался на шуточный тон, именуя Жуковского «любезным кумом»). После войны 1812 г., прервавшей журнальную деятельность Жуковского, отношения бывших соредкторов резко идут на убыль, а вместе с ними постепенно иссякает и переписка. В 1820-е годы Каченовский уже открыто полемизирует с Жуковским на страницах «Вестника Европы».

Второй раздел нашей публикации содержит письма Д. А. Кавелина к Жуковскому, прежде не появлявшиеся в печати и относящиеся к 1815—1820 гг. Известный впоследствии реакционер, сподвижник Рунича, громивший вместе с ним Петербургский университет, Кавелин подобно многим из своих современников пережил пору либеральных увлечений, захваченный «духом времени» и теми ожиданиями общественных перемен, которыми было ознаменовано «дней Александровых прекрасное начало». Так же как Жуковский, А. И. Тургенев и Дашков, Кавелин был воспитанником Московского университетского Благородного пансиона. К ранним, московским годам жизни Кавелина относится его знакомство (перешедшее в тесную дружбу) с А. Ф. Воейковым. Дружеские же отношения с Жуковским завязались позднее, в Петербурге, куда поэт переехал в мае 1815 г. Во всяком случае первое из публикуемых нами писем Кавелина к Жуковскому, теплое и дружеское по тону, датировано 22 июля 1815 г. В Онегинском архиве сохранилось 5 писем Кавелина к поэту.²³ К ним, несомненно, должно быть присоединено и письмо, обращенное к Воейкову, но по существу адресованное и Жуковскому, которое по ошибке считается черновиком письма самого Жуковского к Воейкову.²⁴

Из этих писем, разных по своему содержанию и стилю, мы выбрали для публикации 4 письма, как нам представляется, наиболее характерные для «раннего», либерально настроенного Кавелина и особенно интересные в историко-литературном отношении. С данной точки зрения наибольший интерес представляют два «арзамасских» письма Кавелина, бывшего, как известно, участником этого литературного общества. Кавелин-арзамасец, которого впоследствии А. И. Тургенев предлагал «выключить» из Арзамаса за поддержку реакционных сил и участие в напумевших «акциях» пра-

²² См. неопубликованное письмо Протасовых к Жуковскому, относящееся к январю 1810 г. и содержащее шуточную пародию А. А. Протасовой (Воейковой) на Каченовского, которого она именует «злойбой» и «неверной супругой» издателя «Вестника Европы», «скушной грекнивей» (намек на лингвистические и исторические разыскания Каченовского), советует Жуковскому отправить эту «супругу» в Петербург, выражая надежду, что в ее отсутствие читатели журнала дождутся, наконец, «Людмил, Кассандров появления». Письмо юной Протасовой обнаруживает полную осведомленность в тех оценках, которые, видимо, давал своему собрату-журналисту поэт (ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 29426, л. 1).

²³ Состав этой переписки необходимо пополнить письмом Кавелина к Жуковскому, сохранившимся среди писем Каченовского к поэту, о котором уже упоминалось выше (ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, письмо 39).

²⁴ ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 27735, л. 1—1 об.

вительства против передовых деятелей, принадлежит к числу наименее известных членов этого общества.

Отсутствие подробных сведений об участии Кавелина в Арзамасе не позволило исследователям до сих пор высказать сколько-нибудь определенное суждение о характере его деятельности в обществе.²⁵ Письма Кавелина 1815—1820 гг. показывают, что важнейшей стороной этой деятельности была широкая благотворительность. Служебное положение Кавелина (в 1812—1816 гг. директора Медицинского департамента, располагавшего своей типографией и весьма влиятельными знакомствами) позволяло арзамасцам рассчитывать на его помощь: письма Кавелина к Жуковскому и письма последнего к А. И. Тургеневу, нередко обращенные к Кавелину, Блудову и другим арзамасским друзьям, показывают, что на первых порах от поручений такого рода он не уклонялся (помогал поэту при издании его сочинений, хлопотал о помощи А. Н. Мещевскому). Важный момент, выясняющийся именно из этих писем, — это практическая помощь арзамасцев Н. М. Карамзину при издании «Истории государства Российского», которая печаталась в типографии, подведомственной Кавелину.

Вместе с тем участие в Арзамасе требовало и литературного дарования, во всяком случае склонностей к литературе, о которых позволяет судить «арзамасское письмо» Кавелина, адресованное Жуковскому и содержащее отчет об одном из заседаний общества. И наконец письма Кавелина, одного из ближайших друзей А. Ф. Воейкова, имеют важное значение для выяснения характера сложившихся отношений между поэтом и Протасовыми—Воейковыми. Последнее из публикуемых писем относится к 1820 г. и свидетельствует о стремительном служебном восхождении бывшего арзамасца, которое стало началом его полного разрыва с прежними либеральными друзьями.

1. ПЕРЕПИСКА М. Т. КАЧЕНОВСКОГО с В. А. ЖУКОВСКИМ

1

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

24 сент<ября> 1810. Москва.

Отвечаю на оба последние письма ваши.¹ Надобно начать тем, что до получения первого (от 15 сент<ября>) письма за четыре дня условие между типографией и мною уже было подписано. Я совсем не предполагал, чтоб у нас дошло дело до объяснения — так и быть! Читайте:

Я от вас несколько раз слышал, что вы предоставляете мне издание Вестника на 1811 год. Сущев² и Мерзляков³ то же

²⁵ См. краткую характеристику Кавелина в кн.: Гиллельсон М. П. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 118—119.

от вас слышали. Я затвердил это, денно и ночью занимался планом своим, сделал свои распоряжения, и напоследок решительно отказался от издания газет, когда незадолго перед сим в другой раз мне их предлагали. Заметьте, что ход ваших дел мне был совсем неизвестен и что мне и на мысль не приходило, чтобы вы захотели продолжить работу, которая, по моему замечанию, на конец уже становилась для вас очень скучною. Удивился я, что Максим Иванович,⁴ не поверя словам моим, от вас самих требовал отзыва. Признаюсь, что мне было крайне неприятно, и я объявил почтеннейшей типографии, что или я один буду издавать, или откажусь от имени издателя, если насильно станут навязывать мне товарища. Я действительно на то решился, и при свидании с Ректором ему объявил то же. Ректор сказал мне, что Университет находит пользу свою в том, чтобы я был издателем, и Максиму Ивановичу велено немедленно подать рапорт и представить условие. Вот вам наша история.

— На предложение ваше, касательно плана, скажу, что он давно уже сделан и на сих же днях будет напечатан при газетах в объявлении о подписке,

1. *Изыщная словесность*; 2. *Изыщные искусства, науки и литература*; 3. *Критика*; 4. *Смесь*; 5. *Политика* — вы обещали меня снабжать вашими трудами; а я обещал платить вам деньги. Я и теперь не отпираюсь от своего слова и даже прошу вас покорнейше помогать мне. Честно буду расплачиваться с вами и с Мерзляковым, которого я давно уже договорил на свою сторону. Ваши пиесы будут занимать у меня почетнейшее место; желаю только, чтобы и публика знала, что они ваши.

Хотите ли знать, почему я при всей невыгодности положения скорее совсем отошел бы от журнала, нежели продолжал бы его на прежнем основании?

1. Мы неоднократно соглашались приняться за Вестник и поправить его, но сего не сделано.

2. Статьи условия в рассуждении критики и театра мною более исполнены, нежели вами.

3. Мы с вами не одного мнения о некоторых предметах, я рад бы <в> журнале попутить над стихами на всерадостнейшее получение ордена (Аглая, ч. XI, кн. 2, стр. 64):

В потомстве Карамзин близ Тацита, Плутарха
И Тита Ливия назначил тем себе
И место верное и должныя награды!⁵

А вам, знаю по опыту, шутка моя показалась бы святотатством. В последней, например, книжке Аглаи так (стр. 45) напечатано:

Клио, в истории зря нашей мрак один,
Рекла: да будет свет, родился Карамзин.⁶

Я готов назвать <?> это болтапшем, ослепленным, ребяческим энтузиазмом, но как же мне решиться на то, ежели я связан?

4. Писать критику и выбирать мелкие статьи гораздо труднее, нежели переводить из готовой книги. И проч.

На что нам условие? Вы будете получать деньги тотчас по напечатании каждой книжки. Чужие пиесы помещать буду очень редко, и то не иначе, как с величайшею разборчивостию; следовательно, денежных выгод получу от них очень немного. — Как вы думаете о деньгах? Я готов был платить вам с листа *свою цену*; но рассудите милостиво, ведь мне более работы и заботы; при том же ежели вы и Мерзляков захотите снабжать меня листа по четыре для каждого нумера, то я буду в великом накладе; вспомните также, что я сам не взял с вас по 200 рублей, а только по 150 р.уб. за книжку, когда вы в 1808 году уехали в Белев.⁷ — Письмо Соковину⁸ будет отдано. Вы слишком уже хотите быть аккуратны в рассуждении латинского языка. Я учился языкам самоучкою так: читал грамматику и разбирал авторов, приискивая слова в лексиконе. Разве вы намерены сочинять на латинском языке? Оставьте свои упреки, и позвольте сказать вам, что вы немножко хитры; но бог с вами, любезный кум! Я все-таки желаю вам добра и никак не хочу потерять вашу дружбу, хоть мне и кажется, будто бы вы хотели оттереть меня. Я начал бы издавать сам особый журнал под названием *Труба всемирная* и загремел бы против вашей несправедливости. Эй, кум! Я вам охотно сдал журнал, когда он был *доведен мною* до цветущего состояния, а вы так ли со мною поступаете? — Шлецера⁹ пришлю в срок. Каково предисловие, а особливо на конце, и вы не верите старику? Наш историограф¹⁰ дорого заплатил бы за материалы для Владимирова княжения! — Не хлопчите более о латинских книгах; вы имеете все нужное для первого начала. — Письмо к *Феоне*¹¹ у меня; а напечатанные стихи куда девались, ей не знаю. Перепишите их из Вестника, это <№> 15.

Ваш покорнейший слуга

М. Каченовский.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 35—36 об.

¹ Письма Жуковского, о которых пишет Каченовский, в печати неизвестны. Судя по предыдущим письмам Каченовского, в этих письмах шла речь об издании «Вестника Европы», который, согласно договоренности соредакторов, снова переходил к Каченовскому, писавшему Жуковскому 14 сентября 1810 г.: «100 рублей я отправил к вам 3 сентября при письме, в котором отвечал и на вопрос ваш: Буду ли издавать Вестник на 1811 год? Ежели хотите, опять повторю ответ свой: Дело сие между вами и мною давно уже окончено. Мы ударили по рукам. Вследствие сего рукобития с моей стороны сделаны все нужные приготовления: нанят дом подле типографии за 1400 рублей без дров, взят билет в кресла и так далее. Мне, признаюсь без обиняков, вопрос ваш даже не совсем понятен. Я боюсь, не намерены ли вы сдать журнал кому-нибудь другому.

Чтобы избавить вас от излишних хлопот, скажу решительно, будто ничего не подозревая: Я буду издателем Вестника на 1811 год» (ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 33).

² Суцев Андрей Дмитриевич принимал участие в субсидировании журнала.

³ Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, переводчик, критик, профессор Московского университета. В начале 1800-х годов был дружен с Жуковским и вместе с ним входил в состав Дружеского литературного общества. Мерзляков активно сотрудничал в «Вестнике Европы» во время редактирования журнала Жуковским и Каченовским.

⁴ Невзоров Максим Иванович (1763—1827) — литератор из круга московских масонов, с 1805 по 1815 г. был начальником Московской университетской типографии, где печатался «Вестник Европы». Как показывают публикуемые ниже письма, он не сочувствовал передаче журнала Каченовскому.

⁵ В 1810 г. Н. М. Карамзину был пожалован орден (Владимир 3-й степени), на получение которого и отзывается автор комментируемых стихов.

⁶ Аглая, 1810, ч. XII, с. 45.

⁷ Уездный городок Тульской губернии, где проживали Протасовы. Поездка в Белев, о которой пишет Каченовский, состоялась летом 1808 г.

⁸ Соковнин Сергей Михайлович — один из трех братьев Соковниных, с которым Жуковский был наиболее близок и у которого жил в Москве в конце 1807—1808 г.

⁹ Имеется в виду 5-й том вышедшего в 1802—1809 гг. в Геттингене «Нестора» Шлецера. Жуковский в письме от 11 июля 1810 г. просил А. И. Тургенева выслать ему это издание (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 54). О получении книги поэт, видимо, сообщил в одном из своих писем Каченовскому, который в свою очередь обратился к Жуковскому со следующей просьбой: «Еще прошу вас о 5-й части Нестора Шлецера и повторяю, что через две недели получите его обратно» (ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 31). В комментируемом письме Каченовский подтверждает свое обещание о своевременном возвращении этой книги, нужной Жуковскому в момент работы над исторической поэмой «Владимир» (см. подробнее: Библиотека Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 413—423).

¹⁰ Имеется в виду Н. М. Карамзин, которому в 1803 г. были исхода тайствованы ежегодная пенсия и официальное звание придворного историкографа.

¹¹ «К Феоне» — стихотворение М. Н. Муравьева, которое Жуковский переслал в подлиннике Каченовскому для опубликования в «Вестнике Европы». Оно появилось в журнале в 1810 г. (ч. 51, № 13, с. 180—184).

2

В. А. ЖУКОВСКИЙ — М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ

27 сентября 1810 г.

Поздравляю вас с именем издателя *Вестника Европы*, с благополучным избавлением от тяжелой (?) *всемирной трубы*, которою вы хотели было против меня вооружиться. Вестник, доведенный *вами* до цветущего состояния, не поблекший и *при мне*, сохранивший древнее великолепие свое и *при нас*, принадлежит вам теперь безраздельно. В добрый час. Желаю вам всевозмож-

ного успеха. Мне между тем позвольте сказать несколько слов в ответ на ваше дружеское письмо.

Вначале объявляю вам, что я согласился с большим удовольствием быть только посторонним сотрудником в издании вашего журнала, не заботясь о его распоряжении, которое теперь единственно зависит от вас. Но дело пока не о том. Хочу сделать небольшое замечание на две или три строки вашего письма, которые для меня по всему <?> неожиданная резкость. Вы пишете: *позвольте сказать, что вы несколько хитры; но бог с вами, любезный кум. Я все-таки желаю вам добра и никак не хочу погнать вашу дружбу, хоть мне и кажется, будто бы вы хотели оттереть меня.*¹ Другими словами: любезный кум, вы вздумали хитрить, ибо нельзя не хитрить, когда идет дело об деньгах. Вы хотели меня оттереть, то есть обмануть, следовательно, вы плут; я прощаю вас и все еще вам желаю добра, хотя, между нами сказать, вы этого и не стоите. Но я это делаю из милости. Таков и смысл и тон вашего письма.

Позвольте ж спросить, Михайло Трофимович, у кого заимствовали вы такой язык и по какому праву говорите им со мною? Если вы не шутите (впрочем, и шутить таким образом, кажется, никогда не прилично), то уверяю вас, что такой образ мыслей пащет людей, которых вы ни почему не можете оскорблять подозрением низким, унизителен только для вас самих. Так говорить со мною могли бы вы только тогда, когда бы имели в руках доказательства ясные, но по одним подозрениям неосновательным, без всякой причины, делать оскорбление человеку, которого честность и совершенное бескорыстие на опыте вам известны, стыдно и неблагородно. И почему вы не в состоянии предполагать в самых приятелях ваших прямотушья; разве деньги кажутся вам столь всемогущими, что все люди без исключения должны жертвовать им своею совестью. Напрасно приводите вы в пример самого себя. Вестник, доведенный вами до *цветущего состояния*, был оставлен в исходе 1807 года,² и я, вступив в издание, не имел нужды делать с вами условие; теперь напротив, отказываясь от имени издателя, я желал и сам иметь некоторое участие в издании, о чем предварительно и было говорено между вами и мною. Большая разница! Вспомните и то, что при заключении в 1809 году контракта с типографиею я во всем вверился вам, не опасаясь, чтобы вы вздумали оттереть меня.³

Находясь в деревне,⁴ я никаких не имею способов, если бы и хотел, оттереть вас от издания. Впрочем, этого и хотеть мне невозможно, ибо я располагаюсь большую часть года жить в деревне, как же бы мне издавать одному — конечно, для этого благородного подвига я мог бы сделать наступательный и оборонительный союз с Суцевым, если бы только он на это согласился. Но и этот союз был бы весьма безуспешен. Я живу в деревне, а вы — профессор университета, могущий иметь влияние на дела его, со-

стоите налице, и типография от вас в двух шагах; я был бы сумасшедший, когда бы вздумал приняться за обман, не предвидя от того никакой себе выгоды и единственно для одного бесславия — не говоря уже о собственном к самому себе уважении, это мое дело... но виноват; между нами идет дело не о честности, не о доверенности взаимной, не о дружбе и благородстве, а просто о деньгах, и я, оставляя вам думать обо мне что хотите и как хотите, повторяю, что я совершенно согласен на ваше условие, вы будете от меня получать аккуратно для каждого № два листа оригиналу, а я буду от вас получать деньги; в год доставляя вам не менее и не более 48 листов.⁵ Хотя по словесному, предварительному уговору и быто назначено между нами, чтобы вам платить мне *свою цену*; но я соглашаюсь получить пятью рублями менее того, что вы получите будете по вашему условию с типографией: это составит вам выигрыша на 240 рублей — впрочем, здесь расположение зависит единственно от вас, ибо контракт уже сделан. Обязуюсь клятвенно доставлять вам не более двух листов для каждого №.

Прошу вас: 1-е — помещать каждую мою пьесу без отговорки (об этом также было говорено между нами), ибо и я, живучи своими трудами, не могу терять их понапрасну, и 2-е — позволить мне присылать их по-прежнему переписанными, а я обязуюсь писать разборчивее. Прошу вас не замедлить на сии последние пункты ответом. Верьте, Михайла Трофимович, что я из усердия к вам и совсем бы желал отказаться от всякого участия в Вестнике, но теперь по моим обстоятельствам этого мне сделать невозможно, и это для меня очень огорчительно.

Покорный ваш слуга

В. Жуковский.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 27746, л. 3—4.

¹ Жуковский цитирует строки из предыдущего письма Каченовского.

² О своем решении издавать «Вестник Европы» Жуковский сообщил А. И. Тургеневу еще в начале июля 1807 г.: «Хочу выдавать на будущий год „Вестник Европы“. Каченовский отказывается, и мои прелиминарные условия с нашим любезным благоприятелем Максимумом Ивановичем (Невзоровым, — *Р. И.*) сделаны» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 34). Причины отказа Каченовского от обязанностей издателя журнала состояли в том, что, возведенный в сентябре 1806 г. в степень доктора философии и изящных наук, он не только получал новую должность при Московском университете (адъюнкта), но и готовился стать управителем дел в канцелярии попечителя Московского университета А. К. Разумовского (см.: Барсуков в Н. П. Михаил Трофимович Каченовский. — Русская старина, 1889, кн. 1—3, с. 200—201). Уже в ноябре 1807 г. в «Московских ведомостях» было помещено объявление коллегии Университетской типографии, в котором указывалось, что прежний издатель «Вестника Европы», «по некоторым обстоятельствам отказываясь быть издателем Вестника, уступил его г. Жуковскому» (Московские ведомости, 1807, 23 ноября).

³ Контракт с Университетской типографией, о котором пишет Жуковский, был заключен в августе 1809 г. В письме к Жуковскому от 7 ав-

густа 1809 г. Каченовский писал: «Вот вам и контракт. Подпишите и присылайте поскорее обратно. О нашем условии договориться успеем после. Я пришлю вам оное для подписания; теперь еще не готово» (ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 14). Оба этих документа составлялись и оформлялись Каченовским, которому Жуковский передоверил все дела по «Вестнику» уже с лета—осени 1809 г. Именно к этому времени относится первое из сохранившихся в Онегинском архиве писем Каченовского к Жуковскому, от 10 августа (ошибочно датированное в подлиннике 1808 г.), в котором Каченовский сообщил о новом плане издания «Вестника». «Я разумею выпускать журнал под двумя именами издателей, — писал Каченовский поэту, подчеркивая при этом: — Будьте вы один полным хозяином, а я вам помощник по-прежнему» (там же, л. 1). О контракте с типографией Каченовский напомнил Жуковскому и в письме от 21 августа 1809 г. (там же, л. 15).

⁴ Жуковский имеет в виду село Муратово, расположенное в 55 верстах от уездного города Болхова Орловской губернии, где в 1809 г. поселилась Е. А. Протасова с дочерьми. В Муратове провел поэт и лето 1810 г. (подробнее о пребывании Жуковского «в деревнях», в родных местах Тульской и Орловской губернии, см.: Власов В., Назаренко И. «Минувших дней очарованье». Тула, 1979, с. 132—134).

⁵ К этому месту сделан черповой расчет рукой Жуковского: $\frac{48 \text{ по } 5 \text{ р.}}{240 \text{ р.}}$

Он представляет собою подсчет чистого дохода Каченовского от участия Жуковского в журнале и с предельной точностью определяет долю авторского участия поэта в «Вестнике» (в течение года выходило 24 книжки, в каждую из которых Жуковский давал 2 листа).

3

В. А. ЖУКОВСКИЙ — М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ

«Не ранее 30 сентября и не позднее 3 октября 1810».

Милостивый государь мой Михаил Трофимович.

Еще одно письмо, с которым позволю себе войти в некоторые объяснения — и потом всему конец. Итак вы шутили, сказав приятелю своему, который искренно дорожил вашею дружбою, который от всего сердца верил бы вам все свое имение (ибо он имел полную ко всему доверенность), что он: *хотел отгересть вас от издания Вестника*. Я написал целое письмо, наполненное грубыми укоризнами, это правда, а вы поместили в вашем одно только слово — совсем не грубое, и то одно, но ваше одно слово обиднее всех моих укоризн, ибо оно заключает в себе ваше дурное мнение на счет человека, который старался всегда быть вашим приятелем; а все мои укоризны, напротив, означают только то, что мне было чрезвычайно больно найти вас на счет мой так жестоко несправедливым. Вы виноваты передо мною делом, а я виноват перед вами словами. Но после нескольких лет короткого дружеского знакомства мог ли «я» вообразить, чтобы вы когда-нибудь сказали мне: Ты хотел *отгересть* меня от издания Вестника, хотя сам «?» уступил его мне добровольно.

Право, [я] всегда старался быть добрым вам товарищем, и ваше выражение не могло не быть для меня чрезвычайно чувствительным именно потому, что я уверен был, что вы меня знаете более многих и более многих характер мой ценить можете. Не зная, что бы вы отвечали мне, если бы в моем письме к вам не написано было: *вы хитры, вы хотели меня оттереть*, и сочли бы вы такое выражение шуточным (впрочем, и шутка обнаруживает мнение — а в вашей шутке какое же обнаруживаете вы нащеп приятеля своего мнение?).

Написанное в письме моем, в чем искренно каюсь, признаю очень резким, но говорю и теперь, что вы виноваты передо мною гораздо более, нежели я перед вами, ибо вы точно показали на щеп мой подозрительность, которой я никак от вас не заслуживал и не ожидал. Пускай ваше выражение шуточное — по что же значит ваша шутка? Неужели в ней нет никакого смысла? а если есть он — то какой же? И скажите, ради бога, не виноватее ли тот человек, который с холодным духом шутя и в выражениях негрубых говорит своему приятелю: *я сомневаюсь в твоей честности*, — нежели тот, который, получив от своего приятеля такой неожиданный комплимент, отвечает ему в первую минуту колкостями и с досадою. Признаюсь, если бы я имел несчастье оскорбить своего приятеля обидным нащеп его подозрением, то для меня такая бы ошибка была бы больше всех его грубостей, она лежала бы у меня на душе, и я, сказавши ему: твой выражения не годятся никуда, поспешил бы, однако, сложить с своей совестью преступление против дружбы, то есть или бы с ним объяснился, или сказал бы ему: виноват, подозрение мое было неосновательно, но мы поквитались, ибо за мою ошибку в логике заплатил мне порядочною ошибкою против учтивости.

Искренно буду сожалеть, если наше знакомство таким образом прекратится, по крайней мере я не очернил себя перед вами никаким противным короткому знакомству поступком. Я только написал к вам грубое письмо. [Это] преступление против учтивости, благопристойности и тому подобного; а вы, вы думали о приятеле своем дурно тогда, когда обязаны были уважать его — истинное преступление против совести, и я не знаю, простит ли она его вам.

Теперь слово <нрзб.> с вами о журнале.

Прошу вас покорно все расположить, как будет вам выгодно, дабы прекратить всякий излишний разговор; платить мне можете вы то, что вам покажется *должным*, я соглашаюсь на все без всякого затруднения. Прошу вас только *назначить* цену — отказаться мне от этого участия, право, невозможно; но я надеюсь, что пиесы мои не будут портить вашего Вестника.

По большей части буду переводить для статьи *Науки и искусства*, для которой имею хороший запас материалов. Прошу вас отвечать мне без замедления и в ответе своем определить [цену]. На принятии цены вперед соглашаюсь.

Статья для критики будет приготовлена, если не к XXI, то к XXII «книжке».¹

Будучи уверен, что вы в этом случае поступите как [<нрзб.> будет должно]...²

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 27746, л. 1—2.

Черновик письма не закончен.

Датируется на следующем основании. Как показывает переписка, письма, отправленные из Москвы в Муратово, где находился в момент переписки Жуковский, доходили до адресата через три дня. Из содержания второго письма Жуковского к Каченовскому следует, что поэт написал его «вдогонку» своему первому письму, еще не получив на него ответа Каченовского, который датирован 1 октября. Жуковский получил ответ на свое первое письмо 3—4 октября. Так определяется крайняя дата, позже которой второе письмо не могло быть написано. С другой стороны, если бы Жуковский написал второе письмо 28 или 29 сентября, Каченовский мог бы получить его до 1 октября, и это не могло бы не отразиться на тоне его ответа. Между тем ответ Каченовского носит резкий характер, а его содержание полностью отвечает содержанию первого письма Жуковского.

¹ См. примеч. 3 к письму 4 (Каченовский — Жуковскому).

² На обороте этого письма Жуковский набрасывает черновик своего письма к И. И. Дмитриеву, в котором благодарит последнего за присланное ему в подарок 3-е издание «Басен» (СПб., 1810). Эта книга сохранилась в библиотеке Жуковского, в той части, которая находится в Пушкинском Доме.

4

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

1 окт<ября> 1810 г.

Милостивый государь мой Василий Андреевич!

Ежели слова *позвольте сказать, что вы немного хитры и проч.*, также *вы хотели объяснения и проч.*, ежели слова сии, в записке мною написанные, кажутся вам непристойными и оскорбительными, то прошу в том простить меня великодушно. Уверяю, что я не имел намерения прогневить вас и совсем не предполагал, чтобы вы думали спрашивать: *от кого я заимствовал такой язык? и по какому праву говорю им с вами?* В ответе на первый вопрос нет большой нужды. Право говорить с вами откровенно и иногда шутить основывал я (еще раз прошу простить меня) на коротком знакомстве между нами. Но знакомство сие, милостивый государь мой, не обязывало меня читать жестокие ваши сарказмы и укоризны, которых ни один честный человек переносить не должен и от которых прошу впредь меня избавить.

После всего, что вы позволили себе написать ко мне, я уже не могу *объясниться*, себя не ушибая; да вы же и объяснений моих не жалуете. Скажу только, что если б я предвидел эту неприятность, то оставил бы вас полным и единственным хозяином Вестника. Я умею отступаться от издания: о вашей решительности ничего не знаю наверное.

Все ваши *пшесы* помещать обещаюсь, предполагая, что все они будут соответствовать плану Вестника и что вы станете отличать их подписью своего имени. Оригинал ваш *непереписанный* соглашаюсь принимать до тех, пока не услышу от типографии напоминаний, о которых тогда же уведомить вас незамедлю. Буду просить вас о доставлении *пшес* заблаговременно, ежели захотите непременно в каждом номере иметь участие. Назначение цены предоставляю собственному вашему благоусмотрению. Прошу только не забыть: 1-е, что я с должностно издателя принял на себя и все издержки для журнала; 2-е, что я должен читать корректуру; 3-е, что во многих книжках будет более, нежели по пяти листов; 4-е, что переводить можно в один день по листу, а выбирать мелкие статьи, приискивать материи, приводить в порядок и сочинять гораздо труднее, по крайпей мере для меня, тупого человека. Прошу также не забыть и о Мерзлякове, которому обещался я платить за стихи. Еще прошу не забыть, что в 1808 году за *сочинение* трех книжек добровольно предоставил я в вашу пользу по 50 рублей от книжки. Наконец прошу не забыть и о тех обстоятельствах, для которых вы приняли меня в товарищи на 1809 год. Еще упомянул бы, что вы приняли от меня журнал в *хорошем* состоянии; но умолчу, потому что это для вас кажется вздором. Стихи к Феоне и другие отдам переписать, и скоро пришлю к вам. Я виноват; за разными хлопотами совсем позабыл, что обещался сберечь их.¹

Я должен был вам 31 рубль. Посылаю три новые бумажки. Это составляет 30 руб. 90 коп. Недостает 10 копеек.

Статья ваша о рыцарях займет место в 20-й книжке.² Все прочее постараюсь написать я сам, чтобы поквитаться с вами.

Для 21-й книжки прошу прислать между прочим и критику.³ Вы обязаны писать ее по силе 2-й статьи нашего условия.

Ваш покорный слуга

М. Каченовский.

ИРЛИ, ф. 244, Опегинский архив, № 28075, л. 37—38.

Ответное письмо Каченовского на письмо Жуковского от 27 сентября 1810 г.

¹ См. об этом примеч. 11 к письму 1 (Каченовский — Жуковскому). Как следует из пометы на письме Жуковского к Каченовскому от 27 сентября (л. 4 об.), Жуковский снова напомнил ему о присылке подлинника (или в крайнем случае копии) стихотворений М. Н. Муравьева, посланных для помещения в «Вестнике Европы» (см. письмо 2). Кроме послания «К Феоне» Каченовский имеет в виду еще 4 произведения Му-

равьева — «Послание к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу 1774 г.», «Болеслав, король польский», «Нешастие», «Зевес и гром», которые были напечатаны в 9-й книжке «Вестника Европы» (1810, ч. 51, № 9, с. 42—49) со следующим пояснением, вне всякого сомнения написанным Жуковским: «Автор сего послания и следующих трех стихотворных шпес <...> — есть покойный Михайла Никитич Муравьев. Избранные из оставшихся после его смерти стихотворений будут изданы со временем в свет» (с. 42). К убедительным соображениям Э. М. Жилияковой о принадлежности этого пояснения именно Жуковскому (см.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 84) следует добавить, что в момент издания 9-й книжки «Вестника Европы» (в мае 1810 г.) Каченовский, как свидетельствует его переписка с Жуковским, находился в отъезде, и все дела по журналу Жуковский вел один. Согласно данным формулярного списка Каченовского (Русская старина, 1889, т. 64, кн. 10—12, с. 199—202), в мае 1810 г. в качестве визитера он обозревал училища Калужской губернии.

² Имеется в виду переведенный Жуковским из Шатобриана фрагмент «Образ жизни и нравы рыцарей» (Вестник Европы, 1810, ч. 54, № 20, с. 247—266).

³ В 21-й книжке в разделе «Критика» была напечатана рецензия на перевод «Потерянного рая» Мильтона, подписанная «Т.» и Жуковскому не принадлежащая (Вестник Европы, 1810, ч. 54, № 21, с. 45—58). Критическая статья Жуковского, обещанная Каченовскому, появилась в следующем номере журнала (см.: Радомист и Зепобия. Трагедия в пяти действиях, в стихах, соч. Крепильона. Перевод с франц. Степана Висковатова. — Там же, № 22, с. 102—120).

5

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

«Не ранее 3—7 октября 1810 г.»

«Любезный, вспыльчивый кум мой! ради Георгия¹ мирюсь с тобою от всей души!». Начинаю ответ свой точно теми словами, какие вы предполагали. В них нет ни крошечки притворства.

Пожалуйста, не сердитесь и дайте мне вам сказать, что мне хочется. Может быть, я сокру что-нибудь лишнее или непристойное, а вы все-таки не сердитесь, ибо мне до чрезвычайности хочется быть правым.

Что у вас за привязки такие? Что за взыскательность? Вы нападали на *подозрения мои*, на *высокомерие*, на *корыстолюбие* и на *неустойку в слове*. Слово *подозрения* тут совсем неуместно; надобно бы вам сказать — недоумение, которое произошло во мне оттого, что вы переменили свое намерение (NB оно мне казалось решительным), и что вы долго не отвечали на письмо М. И. Невзорова, и таинственным тоном предлагали мне вопрос, *буду ли я издателем*. *Высокомерие* вы приписываете мне совершенно по-пустому. *Корыстолюбием* вы представили расчетливость мою, самую невинную. Я предположил быть издателем один, а причины того почти все вам известны. Судя по вашему

вопросу, мне оставалось думать, что вы хотели также или быть одни издателем, или же работать вместе со мною на прежнем положении: первое зависело от согласия типографии и Университета, а от второго я имел полное право отказаться. Решившись же быть *один* издателем и принявши по себе и труды и заботы и издержки, я не почитал ни малейшим преступлением помышлять и о выгодах своих. В моих сутках также 24 часа, как и в ваших. За что же мне терять лишних два или три часа на работу по-пустому, когда я могу употребить их на другие упражнения, которые доставили бы мне средства для содержания себя и своего семейства! *Неустойка моя в слове* также безгрешна. Мог ли я предполагать, чтобы вы, занимаясь службою в Петербурге, аккуратно доставляли мне материала ровно на два листа с половиною? А если б и так было, то неужели не напомнил бы я вам о лишних сверх пяти листов страницах, о корректуре, о хлопотах, об издержках, о потере времени? Вот и выходит, что вы должны на меня сердиться за *недоумение*, а я на вас за *подозрения* и *оскорбления*, самые обидные. Но оставим свои претензии. Душевно радуюсь, что вы со мною миритесь, и благодарю вас от чистого сердца, что вы возвращаете мне вашу дружбу.

Пишите для Вестника, что вам будет угодно, и присылайте свои пиесы заблаговременно, для того чтобы я не ждал ваших пиес и мог бы наперед располагать статьи для каждой книжки. Я хочу завести порядок, чтобы не быть в тисках и не торопиться. Вы знаете, как это затрудняет. Не согласитесь ли вы получить с меня три доли цены, а четвертую оставлять в мою пользу, как я оставил вам в 1808 году за три книжки, хотя вы и предлагали мне свою цену?

А тогда, не забудьте, я сам один составлял оные книжки и читал корректуру — вы запретили мне говорить о цене; но я дозволяю себе упомянуть о ней для избежания недоразумений. Если вы на это согласны, то и я не посердился бы, когда бы вы подчас и с залишком <?> по два листа присылали. Уведомьте меня о вашем мнении. Рассчитываться можем, когда захотите; но лучше бы начать после 6 и 7 книжки, то есть в то время, когда исполнится мера субскрибентов.² Иностранных журналов я буду получать очень мало. В почтамте требуют деньги серебром или ассигнациями по курсу. За Journal de l'Empire,³ например, требуют 216 рублей, за Publiciste⁴ — 200 и так далее! Ужасно! Видно, что и условленные на книги 200 р. <руб.> придется употребить на журналы же, а книги покупать на свои деньги, ибо я *непременно* буду писать критики и замечания. Постараюсь и к вам посылать иностранные журналы, ежели что-нибудь хорошенькое в них найдется. Однако ж лучше, ежели бы вы сами на себя надеялись и почаще писали бы *свое*.⁵ Повторяю, что вы должны отвечать перед публикою за свои пиесы. Мы можем быть не одного мнения и даже браниться в журнале, как я те-

перь бранюсь с каким-то певидимкою за банное строение.⁶ Вы собираетесь переводить из Лагарпа о Цицероновых речах. Бог вам да поможет! Однако ж знайте, что в Петербурге напечатаны первые (от 1 до 5) томы Лагарпова Лицея.⁷

Собрание наше все еще не пачиналось за отсутствием членов. Однако ж Глинка официально сообщил уже президенту свое раскаяние.⁸ Прощайте! Пора спать. Грамоту сию восписал я после спектакля, которые посещаю регулярно, в твердом намерении писать о них что придет в голову. Еще раз простите, любезнейший Василий Андреевич,

вам искренно преданный М. Каченовский.

Р. S. У нас по цензуре учнилась великая революция. Назначено быть только 4 цензорам, под непосредственным ведением попечителя. Вестник теперь читается Цветаевым. Попечитель велел было задержать 19<ю> книжку, за нечестивые мысли на 237 страниц,⁹ но опоздал. — Георгий желает вам *долгомесячной* жизни и молит творца, чтобы продлил век ваш даже до конца 1811 года или до 24<й> книжки Вестника!!

ИРЛИ, ф. 244, Онегипский архив, № 28075, л. 45—45 об.

Ответное письмо на второе, примирительное письмо Жуковского, которое, видимо, в окончательной редакции имело некоторые отличия от публикуемого нами черновика (письмо 3).

¹ Георгий Каченовский — малолетний сын М. Т. Каченовского, крестным отцом которого был Жуковский. Отсюда постоянное шутовое обращение Каченовского к поэту — «любезный кум».

² Субскрибенты — подписчики, частично финансирующие журнал.

³ «Journal de l'Empire» — французская газета, выходившая с 1789 по 1864 г. под разными названиями.

⁴ «Publiciste» — французская газета, издаваемая в Париже под разными названиями с 1792 г. До ноября 1810 г. называлась «Publiciste».

⁵ Каченовский намекает на то, что во второй половине 1810 г. переводы Жуковского преобладали над его оригинальным творчеством. Так, в № 3 журнала пост поместил два стихотворения («К Деллию», «На смерть семнадцатилетней Эрминии») и критический разбор «Кантемировых сатир» с предварительным рассуждением о сатире вообще (Вестник Европы, 1810, ч. 49, № 3, с. 188—189, 190—214; публикация статьи была продолжена и в других книжках журнала: ч. 50, № 5, с. 42—61; № 6, с. 126—150). В осенние книжки журнала Жуковский давал в основном переводы (см. их перечень в кн.: Жуковский В. А. Соч. Под ред. П. А. Ефремова. Изд. 7-е. СПб., 1878, с. 685—687).

⁶ Началом полемки о «банном строении» послужила рецензия М. Т. Каченовского (Вестник Европы, 1810, ч. 49, № 1, с. 60) на книгу «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор» (СПб., 1809). Автор этой книги утверждал, что под баным строением следует понимать верхнюю часть, главу (или купол) церкви. Опираясь на летописи и другие исторические источники, Каченовский оспорил эту точку зрения. Автор (которого Каченовский именует «певидимкою») возразил ему в «Вестнике» же (1810, ч. 53, № 18, с. 145—154). В комментируемом письме Каченовский упоминает свое новое полемическое выступление по этому вопросу (Вестник Европы, 1810, ч. 54, № 23, с. 218). Хотя Жуковский и не сочувствовал этой полемике, считая ее незначительной

по содержанию, однако он, как показывают маргиналии на «Летописи Нестора» (издано имп. Академией наук в 1767 г. по Радзивиловскому списку), переделывался славянскими банями (см.: Библиотека Жуковского в Томске, с. 415—416).

⁷ Имеется в виду книга: Лекей, или Круг словесности, древней и новой. Соч. г. Ла Гарпа. Пер. с франц. членами Российской Академии. Г. I—V. СПб., 1810—1814. Видимо, авторская работа переводчиков (П. Карабашова, П. Соколова, А. Никольского, Д. Соколова) была в 1810 г. закончена и книга готовилась к изданию. В библиотеке Жуковского сохранилось следующее издание «Лицея» Лагарпа: Lahaigre J.-F. Lycee, ou Cours de litterature ancienne et moderne. 16 tomes en 19 vol. Paris, 1799—1805. Видимо, именно по этому изданию и собирался Жуковский перевести Лагарпа.

⁸ Речь идет об «Обществе истории и древностей российских», учрежденном при Московском университете в 1804 г. Первым председателем (президентом) общества был ректор Х. А. Чебытарев. Как показывают письма Каченовского, общество в 1810 г. переживало период своего упадка. Только после назначения нового попечителя университета, П. И. Кутузова (в мае 1810 г.), оно начало постепенно разворачивать свою работу под председательством П. А. Бекетова. 21 января 1811 г. общество получило новый устав. Бекетову и припис свое раскаяние С. Н. Глинка (остаются неясными причины конфликта).

⁹ Цензурные придирки относились к статье «Вероисповедание» из раздела «Проществий», в которой проводилась мысль, что вероисповедание «служило орудием для страстей и покрывалом для честолюбия в течение многих столетий» и что «терпимость есть прекраснейшее дело благоразумной политики».

6

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. 25 октября 1810.

Я послал к вам, любезный Василий Андреевич, греческую Хрестоматию.¹ Не знаю, как быть с грамматикою. У меня нет лишней. Правда, их у меня две: 1<-я> на латинском, изд. Каменским,² и 2<-я> на немецком, изд. Бутманном. Последняя годилась бы для вас; но мне она почти ежедневно бывает падобна для справок, и я никак не могу с нею расстаться. Есть одна маленькая грамматика, изданная для учительниц, очень дешевая (по четыре 50 коп.), но ее не удалось мне сегодня найти в лавках. Погодите немного. Ох, кум, теперь газеты и журналы кусаются! Сегодня подал я в контору список очень кургузой; но означенные в нем журналы будут стоить около 1200 рублей.

Князь Вяземский и Батюшков осведомлялись об вас и просили меня, чтобы я вам о них напомнил.

Прощайте, ожидаю от вас оригинала для 22<-й> книжки,³ и надеюсь, что вы к новому году приготовите довольное количество пьес и все пришлите ко мне заблаговременно (дабы я мог свободно распорядить, чему где быть надобно). Сказать ли вам? Я теперь и наяву и во сне мечтаю о способах просла-

виться (!!!!), и для того вознамерился поболее писать *своего собственного*. Неудобно ли поревновать мне? Решимся, любезный кум, оба добиваться прочной славы, во что бы то ни стало. Трудновато мне было расположить все по своему желанию. Теперь, кажется, дело пойдет на лад: буду знать только свой класс да Вестник; живу на выгодной квартире, подле Университета, библиотеки и типографии; жена час от часу успевает в практической науке домашнего хозяйства. — Итак, мне остается думать только о своей наковальне.

Adieu, вам преданнейший М. К.

Р. S. Один знакомый вам, а отчасти и мне, молодой француз из лавки Рисса и Сосе, принес мне книгу «Le coin du feu» — «Вечера перед камином», им (!!!) переведенную на русский язык.⁴

Он просил меня книгу переслать к вам, и напомнить, что вы обещались написать о ней в Вестнике.

Книгу вы получите с тяжелою почтою. Нельзя ли уволить Вестник от таких уведомлений? Сделайте одолжение, как-нибудь отыграйтесь.

Вы сами увидите, что это мелочь, не стоящая внимания.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 39—40 об.

¹ По-видимому, имеется в виду книга, сохранившаяся в библиотеке Жуковского и содержащая его пометы, впоследствии подаренная им своему ученику — наследнику Александру Николаевичу (книга имеет его экслибрис): Hermann Martin Gottfried. Mythologie der Griechen für die obern Classen der Schulen und Gymnasien. Nebst einer geographisch-historischen Einleitung von M.-G. Herrmann. Th. 1—2. Berlin, 1801.

² Имеется в виду «Грамматика греческая. Соч. Варл. Лащевского» (СПб., 1788), неоднократно переиздававшаяся Н. Бантыш-Каменским.

³ В № 22 «Вестника Европы» за 1810 г. (с. 102—120) была опубликована рецензия Жуковского на «Радомиста и Зенобию» (см. примеч. 3 к письму 4).

⁴ Книга была издана анонимно: Вечера перед камном, или Собрание сказок и комедий для первого возраста. М., 1811. Жуковским она не рецензировалась.

7

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

19 ноября 1810.

Я уж возвестил вам, любезнейший кум, и теперь повторяю: присылайте ко мне все, что ни напишете. Только бога ради: 1-е — прочитывайте свою рукопись, чтобы здесь мне не было хлопот; как я могу поправлять ошибки без оригинала? 2-е —

присылайте пьесы заблаговременно, чтобы я знал, что куда сунуть и для каких статей готовить свои пьесы; 3-е — отвечайте сами перед публикою за свои пьесы, сиречь ставьте под ними ваше имя. Я советовал бы вам переводить кое-что из Гиббона. Просматривайте оглавления; вы найдете в них множество превосходных отрывков. Я непременно хочу перевести из него о Римском законодательстве из VIII тома.¹ Енгелева статья *о бытии бога* под конец невразумительна,² оттого что он *intraduisible*,^a если не ошибаюсь, я заглядывал в подлинник. К таким пьесам не надобно прикасаться. Деньги ваши получу из типографии завтра, и что будет нужно, исполню. Горн говорит, что греческую грамматику, лексикон и третью книгу, по требованию вашему, он отдал тому человеку, который вручил ему письмо ваше. Собрание наше еще не открывалось;³ мало членов, однако ж поговаривают. Георгий дней шесть уже болен, от этого у меня страшная суматоха. Теперь ему лучше.

Adieu. M. K.

Р. S. Ежели вы пришлете около двух листов на последнюю книжку, то мы и сквитаемся.

Еще Р. S. В сию минуту я получил ваш оригинал.⁴ Для XXIV книжки пришлите что-нибудь для *Науки и искусства* или для *Критики* на лист с небольшим или на полтора, так и все бесы в воду.⁵ Сказку Дорсан и Люцию я разобью на две книжки.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 41—41 об.

¹ Имеется в виду многотомный труд Гиббона (Gibbon E.) «History of the decline and fall of the Roman Empire» (1776—1786).

² Каченовский критикует переведенную Жуковским из Энгеля статью «Улей (разговор о бытии бога)» (Вестник Европы, 1810, ч. 54, № 22, с. 85—100).

³ См. примеч. 8 к письму 5.

⁴ Речь идет о переведенной Жуковским сказке «Дорсан и Люция» Жанлис, начало которой Каченовский дал в 23-й книге (ч. 54) «Вестника Европы» (с. 173—206), а закончил публикацию в 24-й книге (с. 253—275).

⁵ Жуковский не выполнил просьбу Каченовского: в 24-й книге появилась переводная повесть Жуковского «Взыскательность молодой женщины» (с. 275—289).

8

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

15 декабря 1810. Москва.

Материал ваш получен. И впредь доставляйте заранее. Гейнево замечание я читал, если не ошибаюсь в 1<-й> книжке Шлецера Нестора.¹ Оно очень справедливо. Кстати о Шлецере.

^a Непереводима (*франц.*).

Третьего дня в обществе Истории и древностей российских я завел речь о сем почтенном любителе и знатоке наших древностей — и, признаюсь, не без намерения. Вот что я услышал от Карамзина. *Шлецер шарлатан, он иностранец; история Русская была для него дело совсем стороннее; он ничего по этой части не знает и только что несет пустое, он пускает пыль в глаза для незнающих!!!* Я этому не могу верить, и думаю, что труды Шлецера не бесполезны, даже для самого историографа. К речи пришлось мне сказать, что Шлецеру известно в иностранной литературе почти все касающееся до древней русской истории.

Никол^ай Мих^айлович отвечал мне, что все нужное можно было отыскать и без Шлецера... вам должно быть известно, что пишет Шлецер о Несторовой летописи и как, по его мнению, надобно издать ее. Карамзин и это почитает сущим вздором.

На Ломоносова не жалуйтесь. Он в первом томе показал правило для хореев, дактилей, анапестов и проч.² Греческою же мерою писать на нашем языке никак невозможно, потому что мы не имеем ни той меры, которую древние называли *Aythmus*, ни музыкального напева в произношении. В немецких и в наших гексаметрах едва ли тень есть древних греческих. Греки долгой слог тянули вдвое долее короткого, или в долгом слоге у них заключалось два коротких. У них сряду могли стоять три и четыре слога долгих. У римлян тоже.

Приезжайте, любезный кум, поскорее спасать свои деньги. Я успел уже перетаскать из них сотни три, и боюсь, чтобы вместо наличной вашей тысячи не положить своего банкового билета. Но воспитательный дом не за горами, я же и без того надеюсь разбогатеть около нового года. Предмет нашего кумовства, Георгий, выздоровел почти совсем. Плохо ему было бедняжке!

Общество наше не в самом цветущем состоянии. Мало членов. Мы с Мерзляковым поговариваем о закрытии впредь до благоприятных обстоятельств.³ Вы не хотите подписывать имени своего под пьесами? ведь я обещался помещать *все ваши* труды, с тем чтобы публика знала, что они ваши. Угадываете ли, для чего я этого добиваюсь? Чтоб вы были осторожны и берегли бы как себя, так и *Вестник*. Но мы об этом потолкуем с вами в Москве. А теперь прощайте,

любезнейший Василий Андреевич,

ваш Каченовский.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 43—44.

¹ Сводку данных об отношении Жуковского к известному труду немецкого историка Шлецера см.: Канунова Ф. З. Русская история в чтении и исследованиях Жуковского. — В кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске, с. 421—427. Поэт был внимательным читателем «Нестора» Шлецера (в 5 томах, вышедших в Геттингене в 1802—1809 гг.; см. также русский перевод 1 части, выполненный Д. Языковым и вышед-

пий в Петербурге в 1809 г.), постоянно интересовался и другими трудами историка. «Вместе с тем, — справедливо пишет Ф. З. Канунова, — Жуковский критически воспринимал некоторые мысли и утверждения Шлецера»; в частности, он не принимал его первоначального скептического взгляда на подлинность «Слова о полку Игореве» (там же, с. 423). Представитель «скептической школы» в русской историографии (см.: Иконники В. С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871), Каченовский был сторонником исторического метода Шлецера. Карамзин, резкий отзыв которого о Шлещере приводит Каченовский, еще в 1806 г. писал М. Н. Муравьеву о том, что «не боится федулы Шлецевой» (Русский биографический словарь (Ибак—Ключарев). СПб., 1897, с. 509). По мере углубления в рукописные и старопечатные источники Карамзин все более критически воспринимал исторические труды Шлецера.

² Реплика Каченовского о Ломоносове, по-видимому, вызвана критическим суждением Жуковского о его стиховедческом трактате «Письмо о правилах российского стихотворства». При этом журналист ссылается на 1-й том «Полного собрания сочинений Ломоносова» (СПб., 1784, с. 11—22), который сохранился в составе библиотеки Жуковского (в той ее части, которая хранится в Пушкинском Доме). Подробнее об отношении Жуковского к Ломоносову см. статью А. С. Янушкевича в книге «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» (с. 52—70).

³ См. примеч. 8 к письму 5.

2. ПИСЬМА Д. А. КАВЕЛИНА к В. А. ЖУКОВСКОМУ

1

22 июня 1815. Село Иваново.

По прескверной дороге и в сквернейшей еще коляске насилу-насилу доехали мы до Москвы, усталые; там растерзали нас родные и приятели на несколько частей, остальное повезли мы в деревню, которую нашли изрядно и презрядно пограбленную управителем. Теперь шестой день. Хлопочу, как угорелая кошка, о приведении хозяйства своего хоть в какой-нибудь порядок, и вот причина, почему до сих пор ни строчки милому Жуковскому.

Комиссии твои в Москве все исполнил: с Антонским говорил обо всем, до тебя касающемся, так же как и обо всем, что для него полезно.¹ Он почти уже и не хочет места в Петербурге. По крайней мере не иначе, как получив: 1) пенсию за профессорство, 2) звание *emeritus*, 3) по особенному приглашению. Он так же добр и любезен с своими, как и прежде бывал. У меня обедал. И мы много говорили всякой всячины. Твои нужды не забыты, беспенный Жуковский. Я намекнул ему о деньгах для твоего издания,² и полагаю, что уже он предложил их тебе; Мерзлякова и Каченовского видел. Антон Антонович ваялся споспешествовать нашему изданию, или, лучше, распродать наших книг — с Кавериним³ не виделся еще, но увижусь непременно на петровской ярмонке в Мещевске.

От Воейкова получил письмо, где он продолжает терзаться за убытки.⁴ Фалалей наш не знает, что мы не хуже его смыслим в книжной торговле, а в сердце человеческого еще больше, гораздо больше сведущи: дай бог, чтобы попадалось побольше таких сердец, как твое.

Белев окружен, кажется, добрыми людьми. Я кое с кем познакомился. На этих днях еду на ярмонку, откуда возвратясь отдохну, да поеду в Москву; и прежде и после писать к тебе буду, а любить тебя не перестаю ни на мигу. Белевских друзей⁵ твоих не удалось видеть. Черкасова,⁶ говорят, очень больна.

Жена моя и дети⁷ обнимают доброго Жуковского, также и преданнейший ему

Д. Кавелин.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 71.

¹ Прокопович-Антонский Антон Антонович (ок. 1780—1848) — профессор, ректор Московского университета и директор Московского университетского Благородного пансиона, постоянный пастырь Жуковского. Дело, о котором хлопотал Жуковский в Петербурге, было связано с намерением Антонского добиться назначения на пост директора Царскосельского Лицея, освободившийся после смерти В. Ф. Малиновского. В письме от 20 мая 1815 г. Жуковский сообщал Антопскому следующее: «При отъезде из Москвы вы говорили мне о ваших прожектах на Лицей. Место, желаемое вами, не занято. Прикажете ли здесь о нем хлопотать? <...> Тургенев обещает употребить все свои старания» (Русский архив, 1883, № 1, с. 325). Уже 18 июля 1815 г. Жуковский известил о результатах этих хлопот: «Я говорил с Мартыновым и говорил с Уваровым. Первый требовал, чтобы я последнего заставил сделать об вас предложение министру. Уваров говорил министру, и Разумовский отвечал, что сам согласен, что нет в России человека, которому бы можно было лучше вас поручить Лицей, но что это именно его и останавливает. Вы пужпы пансиону <...> И едва ли когда-нибудь Лицей будет для России то, что пансион Университета» (там же, с. 326). Новым директором Лицея стал в 1816 г. Е. А. Энгельгардт.

² Речь идет об издании первой части «Стихотворений Василия Жуковского», вышедшей осенью 1815 г. в Петербурге.

³ По-видимому, имеется в виду Павел Никитич Каверин (ум. 1827), занимавший с 1810 г. должность управляющего Московским отделением государственного ассигнационного банка, а с 1812 г. — калужского губернатора. Необходимость поведаться с Каверным была скорее всего связана с намерением Жуковского добиться субсидии для издания своих «Стихотворений», первая часть которых вышла в Петербурге в 1815 г., вторая — в 1816 г.

⁴ А. Ф. Воейков (1777—1839) — поэт и критик, родственник Жуковского и близкий приятель Кавелина. Письмо от Воейкова, о котором идет речь в комментируемом письме, в печати не известно. Видимо, в нем Воейков («ваш Фалалей») высказывал опасение, что Жуковский и Кавелин не смогут организовать будущее издание «Стихотворений Жуковского» таким образом, чтобы оно обеспечило материальные выгоды автору. Книга принесла Жуковскому известность и славу, однако экземпляры ее раскупались плохо. В Москве в продаже ее участвовали Вяземский и Каченовский, неоднократно помогавший поэту и в других его издательских делах, в Петербурге — А. Тургенев, Блудов, Жихарев и другие друзья-арзамасы. К помощи Кавелина при издании своих сочинений Жуковский прибегал и впоследствии (подробнее см. примеч. 3 к письму 2).

В неопубликованном письме к Жуковскому от 10 февраля 1816 г. (в подлиннике ошибочно указан 1815 г.) Каченовский сообщал: «По получении вашего письма я скоро не мог увидиться с князем Вяземским по разным причинам, а отыскавши его квартиру, узнал, что его уже нет в Москве. Тогда я сказал людям, чтобы доложили княгине (бывшей по ту пору в церкви), что ежели нужно похлопотать в рассуждении книг Жуковского, то я готов и буду ожидать от нее известий. На другой день, приехавши домой из типографии, нахожу у себя 58 экземпляров ваших стихотворений. Что мне с ними делать?» (ф. 244, № 28075, л. 69).

⁵ Село Иваново (имение Кавелина) находилось в Белевском уезде, в родных местах Жуковского. Белевские друзья — А. П. Киреевская, А. П. Юшкова, а также семейство барона И. П. Черкасова, имение которого Володьково также находилось в Белевском уезде.

⁶ Черкасова Елена Ивановна — жена барона Черкасова.

⁷ Кавелин был женат на Шарлотте Ивановне Белли, дочери придворного архитектора, и имел от нее семь детей. Пятым ребенком в его семье был известный впоследствии публицист и общественный деятель либерального толка Константин Дмитриевич Кавелин.

2

15 ноября 1816. С.-Петербург.

Милое дитятко, письмо твое, от 6 ноября, сердобольная твоя мамушка¹ получила и 200 рублей денег тоже. Другая мамушка твоя, Золова арфа,² говорила мне о Певце;³ однако же не прислала его. В мещане Арзамаса меня записали под фирмою *Пустынника*⁴ и заставили старую коргу провить над могилою усопшего; Старушка⁵ присоединила свое завывание к завыванию Пустынника... Понеже на оную Старушенку паде жребий, да возпрезидует в оном собрании при прочтении осуждения и очищения *старосты Ватрушки*.⁶ Мы все животики подорвали под остротами и галиматьею *Кассандры*,⁷ потом погрызли новое произведение филина Гнедича.⁸ Заключили чтением Певца твоего. Карамзин был также в Арзамасе. Историю его начали печатать и у нас в типографии,⁹ и он доволен этим чрезвычайно. Обнимаю тебя, милое дитятко; все мои делают то же — и то же сделай за меня Воейкову; мне утешно слышать, что он опять становится нашим, т. е. простодушным, ему же лучше.

Твой Кавелин.

От Дашкова получил премилую грамотку, он скоро прикатит к нам.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28062, л. 5.

Письмо выдержано в арзамасском стиле; упомянутые в нем лица — участники Арзамаса — называются своими арзамасскими прозвищами.

¹ Д. А. Кавелин намекает на самого себя, постоянно опекавшего поэта.

² Арзамасское прозвище А. И. Тургенева.

³ Речь идет о стихотворении В. А. Жуковского «Певец в Кремле», которое было напечатано отдельной брошюрой в Петербурге в 1816 г.

со следующей заметкой от издателей: «Сии стихи написаны в конце 1814 г.». Об издании этого стихотворения хлопотали петербургские друзья поэта, участники Арзамаса (А. Тургенев, Д. Блудов, С. Жихарев и в особенности Кавелин). 21 октября 1816 г. в ответ на настойчивые просьбы А. Тургенева (стремившегося привлечь к Жуковскому влпчание Александра I) закончить «Певца в Кремле» Жуковский писал: «Если хочешь, чтоб я кончил Певца, то пришли его мне; у меня нет списка; пришли скорее. Я писал тебе и Вяземскому в Москву о причинах, которые мешали мне кончить эту пьесу, по моему мнению, слабую. Но ... когда государь должен узнать об пей, вижу, что кончить ее надобно. Не надеюсь, однако, на большой успех. Вспомни, что она писана была в одно время с Посланцем («Императору Александру», — *Р. И.*), в уединении» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 163). В следующем письме поэт благодарил Жихарева за переписку и присылку стихотворения и обещал быстро закончить пьесу (там же, с. 166). В самом начале ноября стихотворение было закончено. 6 ноября Жуковский писал Тургеневу: «Посылаю тебе „Певца“, милый друг, и благодарю за то, что ты принудил меня его копчить». Сопоставляя новое произведение с «Певцом во стане русских воинов», Жуковский отмечал далее, что новый «Певец», воспевающий окончательную победу России над наполеоновскими полчищами, «достойный брат своего тезки». Печатание и заботы о распродаже «Певца» Жуковский поручил Кавелицу, считая, что Тургенев не сумеет сделать этого «с надлежащей точностью», а если и сделает, «то не иначе, как по образу и подобию прежнего „Певца“, что весьма пахнет пустою кармана» (там же, с. 168). Одновременно поэт обращался с деловыми поручениями непосредственно к Кавелину. В публикуемом нами письме содержится упрек «Эоловой арфе» (т. е. А. Тургеневу) в том, что он все еще не передал Кавелину присланного Жуковским рукописного текста «Певца в Кремле».

⁴ Кавелин вступил в Арзамас на заседании общества, происходившем 11 ноября 1816 г. (Жуковский в это время находился в Дерпте, куда и адресовано комментируемое письмо). При вступлении в Арзамас Кавелин прочитал «Похвальное слово несравненному писателю нашему, члену» Беседы любителей российского» слова»... С. С. Филатову» (Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933, с. 177—178).

⁵ Прозвище С. С. Уварова, который произнес ответную речь от имени Арзамаса (Арзамас и арзамасские протоколы, с. 179—180).

⁶ Имеется в виду староста Арзамаса — В. Л. Пушкин, о ссоре и последующем примирении которого с арзамассцами шла речь на заседании Арзамаса 11 ноября 1816 г. (Арзамас и арзамасские протоколы, с. 175).

⁷ «Кассандра» — Д. В. Дашков.

⁸ Возможно, речь идет о переведенном Гнедичем «Танкреде» Вольтера, изданном в Петербурге отдельной книгой в 1816 г.

⁹ Т. е. в типографии Медицинского департамента.

3

«После 25 февраля и не позднее начала марта 1817. С.-Петербург».

На несколько писем твоих с поручениями и бранью ко мне лично и к другой Арзамасской братии поручено мне от Арзамаса отвечать вам следующее:¹ Г-ну штабс-капитану, секретарю Арзамаса и владельцу перстня.²

1. Арзамас готов делать пособия Мещевскому, но печатать его у нас в Медицинской типографии никак невозможно потому, что Карамзина Историю для него останавливать было бы, смеем донести, похабно. Положено обмануть Мещевского и, назначенный оклад содрав, послать к нему через тебя, объявив, что поэму его купил и будет печатать книгопродавец.³

2. Крестного твоего брата⁴ Тургенев почти упрятал уже в Кадетский корпус; но он же и весь Арзамас будет всемерно стараться оттуда выручить, и поместить приговорено не в Дерпте, как ты желал, а в здешней гимназии; это вот почему. Ты не постоянно живешь в Дерпте. При выезде твоём оттуда он останется один; содержатель пансиона вольного может быть принужден по обстоятельствам возвысить со временем плату и тогда или надобно его оттуда брать или прибавлять; да из гимназии открывается ему прямая дорога в гражданскую или ученую службу. В Петербурге всегда будут жить по крайней мере два или три из братьев твоих,⁵ и твой крестный брат всегда будет иметь несколько братьев. О содержании в гимназии напишу подробнее, когда это будет виднее.

3. Перстень не продавай, ибо он, верно, дороже стоит. Пришли его в Арзамас или ко мне, мы с ним в руках оценим (и если бы тебе была крайняя нужда), продадим здесь выгоднее.

4. Печатать, видимо, не можем, не имея конца, да и виньетка вторая еще начата Монфераном <?>.⁶

5. Воейкова дела идут, кажется, пехудо, и книга его в руках Эоловой Арфы.⁷

6. Верующее письмо о получении твоего пенсиона обыкновенное, не имеющее нужды в особой форме. Напиши, что тебе тогда-то по таким-то высочайшим указам пожалован пенсия, который ты доверяешь мне или кому от меня доверено будет вместо тебя принимать и к тебе доставлять. Письмо написано на 2<-х>рублевом листе гербовой бумаги и засвидетельствовано должно быть в уездном Дерптском суде, если там есть такой суд.

Милый друг, кроме забот по службе, от которых по чести <?> не урываю и двух часов на покой, я все бегаю, как собака. И сверх того имею на руках дела важные, касающиеся до благосостояния друзей, и теперь из Спбирца приехал родной брат, которого упекли в Свеаборг.⁸

Он с женою, и я стараюсь выручить его оттуда. Вот причины, почему не отвечал, да и отвечать было нечего до последнего письма твоего. Николеву дал совет и при возможности постараюсь пособить, просил его павещать меня.

Твой Кавелин.

¹ Кавелин имеет в виду письма Жуковского к А. И. Тургеневу и другим арзамасцам, относящиеся к январю-февралю 1817 г., когда поэт дружил в Дерпте и вел оживленную переписку с петербургскими друзьями (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 169—174). Кавелин отвечает Жуковскому не только на письма, обращенные лично к нему, но и на те вопросы, которые поэт неоднократно задавал А. И. Тургеневу (об А. Мещевском, А. Ф. Воейкове, о своем малолетнем родственнике Николаеве и др.). Письмо Кавелина не датировано, однако на основании упоминания о «Георгиях» Виргилия в переводе Воейкова (см. примеч. 7) оно может быть приурочено ко времени не ранее 25 февраля—начала марта 1817 г.

² Штабс-капитан — воинский чин, с которым Жуковский вышел в отставку в 1813 г., после участия в войне 1812 г. Поэт являлся бессменным секретарем Арзамаса, его рукой писаны большинство протоколов общества. Перстень был подарен Жуковскому императором Александром I при пожаловании ему ежегодного пенсиона (в 4000 руб.) за поднесенный ему князем А. Н. Голлицыным экземпляр «Стихотворений Василия Жуковского» (ч. I—II. СПб., 1815—1816).

³ Мещевский А. П. (ок. 1791—ок. 1820) — поэт, воспитанник Университетского Благородного пансиона; находился в этот момент в Оренбургской губернии, куда был послан за самовольное оставление армии во время военных действий 1812 г. Будучи знаком с Жуковским еще до этих событий (три стихотворения Мещевского он напечатал в 1810 г. в № 1 «Вестника Европы»), ссыльный поэт обращался к последнему с горестными письмами и просьбами о вызволении из ссылки (ЦГАЛИ, ф. 198 (фонд Жуковского), № 110), а также и к Вяземскому (ЦГАЛИ, ф. 195 (фонд Вяземских), № 2308) (см.: Роскпина Н. А. Новое о поэте Мещевском. — Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 537—540). Мещевский выслал Жуковскому рукописи своих произведений (переложенные им в стихи повести Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марына роца» Жуковского). Первую из поэм Жуковский переслал Кавелину в Петербург с просьбой напечатать в типографии Медицинского департамента (см. также: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 171). В нежелании печатать поэму ссыльного поэта сказались шаткость и неустойчивость общественной позиции Кавелина, вскоре приведшие его в лагерь открытой реакции.

⁴ Речь идет о малолетнем родственнике Жуковского Николаеве, о котором поэт писал в феврале 1817 г. А. И. Тургеневу: «Николев, мой родня, к тебе адресовался с своею просьбою поместить брата его сестры в кадетский корпус. Мне этого не хочется, а что мне хочется, об том узнаешь от Кавелина» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 172).

⁵ Имеются в виду братья Жуковского по Арзамасу (именно так именovali себя арзамасцы, отсюда происходит термин «арзамасское братство»).

⁶ Имеется в виду выходящая под наблюдением и при деятельном участии Кавелина в подведомственной ему Медицинской типографии (отдельным изданием) книга: Двенадцать спящих дев, сочинение Василия Жуковского. СПб., 1817. Издание открывалось гравюрой И. Ческого по рисунку С. Бессонова. Впьяелка, заказанная Монферрану, не была им выполнена.

⁷ Жуковский обратился к Тургеневу и Кавелину с просьбой представить Александру I рукописный список «Георгия» Виргилия в переводе Воейкова, подчеркивая при этом: «Воейков как русский поэт достоин всякого одобрения. Он имеет истинное дарование, и с этим дарованием соединяет трудолюбие постоянное <...> Перевод Виргилиевых Георгий, при всех недостатках, которые можно в нем заметить и которые он с всеусердием старается из него выгнать, есть также важное произведение русской поэзии» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 173). Однако хлопоты Жуковского за Воейкова успехом не увенчались.

⁸ Брат Д. А. Кавелина — Владимир Александрович Кавелин (ум. 1833).

21 мая 1820.

*Про тебя одного*¹

Ты знаешь ли, милый Жуковский, многие вещи? — а какие? спросишь ты — вот какие:

1) я уже не владимирский губернатор; а просто директор Университета.²

2) Воейков приехал сюда; нужно тебе немедленно под претекстом^а хоть моих экзаменов, о которых ты получишь вместе с сим программу и приглашение посетить их, или пожаловать, или присутствовать на оных.³ Нужно, говорю, приехать тебе не позднее 27<-го>, ибо 28 в ночь на 29 <-е> я еду в белевскую свою деревню в отпуск на три месяца,⁴ а нам нужно прежде устроить дела детей Воейкова.⁵ Он у меня совершенно в распоряжении безусловном.

Приезжай

твой верный друг Кавелин.

Р. S. Я переехал на наемную квартиру, на Литейной в <нрзб.> части против дома бывшего богача Энгельгардта, ныне Свечина. В том же доме, где я живу, живет и Аптека.

ИРЛИ, ф. 244, Онегинский архив, № 28062, л. 1.

¹ «Про тебя одного» — т. е. адресованное лично поэту, сугубо доверительное письмо.

² С 1816 г. Д. А. Кавелин являлся директором Главного педагогического института в Петербурге, в 1819 г. преобразованного в университет. Как показывает данное письмо, официальное назначение Кавелина на пост директора университета состоялось в 1820 г. и ему предшествовало назначение губернатором Владимирской губернии, вскоре отмененное.

³ Речь идет о публичных экзаменах, проводившихся в Петербургском университете в мае 1820 г. и вызвавших высочайшее одобрение.

⁴ Из Белева Кавелин вернулся только в сентябре 1820 г. (см.: С.-Петербургские ведомости, 1820, № 75, с. 923).

⁵ Эту фразу можно понимать либо в переносном смысле — как помощь в публикации произведений А. Ф. Воейкова, либо в прямом — как материальное обеспечение его малолетних детей: Екатерины (1815—1844) и Александры (1817—1893). Именно в это время материальное положение Воейкова сильно пошатнулось в связи с тем, что ему по существу было предложено покинуть Дерптский университет, в котором он зарекомендовал себя с самой худшей стороны. Уехать из Дерпта, не заплатив многочисленных долгов, Воейков также не мог. Переезд семьи Воейковых в результате хлопот и помощи петербургских друзей состоялся лишь осенью 1820 г. (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 191).

^а Под предлогом, от *франц.* *Prétexte*.